

Глава 11 Добро, справедливость и улыбка судьбы

«Fatum risus» — гласила золотистая надпись на чёрном фоне. Табличка с названием висела над входом в трехэтажное здание из серого камня с красно-коричневой черепичной крышей. Под крупными, немного облупившимися буквами читалось более мелким шрифтом на имперском языке: «Улыбка судьбы».

«Латынь? — удивился я. — Это что — привет от другого перерожденца? Хотя не факт», — тут же возразил сам себе. Если в имперском языке хватало слов искаженного английского, то почему бы в этом же мире не существовать и латыни? Наименования дензнаков тоже как бы намекали. Вероятно, местная цивилизация всё же наследовала земной или очень на неё похожей.

«Хех, а улыбка судьбы со временем поблекла», — пока Натал договаривался о номерах, я, стоя в холле, разглядывал обстановку. Когда-то местный хозяин неплохо вложил в внутреннее убранство, которое выглядело довольно дорого, даже с претензией на роскошь. По крайней мере, золочёная лепнина на высоком потолке, статуи полуобнажённых девиц и наборный паркет говорили именно об этом. Но сейчас позолота несколько облупилась, да и вся остальная обстановка выдавала наступившие для заведения трудные времена.

Тем не менее, внутри действительно, как обещали слова Эрис, царили чистота и тишина. Качество же кормёжки ещё предстояло выяснить.

Забросив вещи в номер, направился в ванну. И во время помывки вернулся мыслями к сопоставлению культур.

Весьма характерным штрихом местной цивилизации, бросавшимся в глаза едва ли не с первых дней, но который получилось по-настоящему осознать и осмыслить сравнительно недавно, были имена. А также отношение к ним и связанные вопросы.

Во-первых, местные имена отличались разнообразием. В своей новой жизни я без труда вычленил на слух английские, немецкие, японские, испанские, китайские, еврейские, индийские и прочие, вплоть до всякой уже неопознаваемой экзотики. Добавляло колорита активное словообразование, то бишь превращение в имена прозвищ. Да что далеко ходить? Имя нашего здоровяка Бэйба — очевиднейшая калька с английского babe (крошка, малышка,

детка и пр.). Но никто над этим не смеётся. Потому что далеко не все знают древние наречия в нужном объёме, а ещё потому, что в общеимперском, как я уже упоминала, нет разделения слов по родам. Вот и не тыкают бедняге, что у него-де имя не мужественное.

Нормальное оно, не хуже всяких прочих.

Во-вторых, отчасти вытекающая из во-первых: уникальность. Если в России, например, легко можно было найти школьный класс, в котором училось аж пять-шесть Саш обоих полов, то в Империи такая ситуация могла получиться сугубо специально, как результат особого отбора. Когда на Подземную Базу свезли сотни детишек со всех концов света, инструкторам не требовалось уточнять, какую именно Куроме они выкликают — при том, что моё-то имя как раз из относительно популярных. На моей малой родине, на востоке, на каждые четыре, если не три деревни непременно нашлась бы своя Куроме. Да и своя Акаме легко сыскалась бы. Но в многосотенной толпе со всех краёв и из всех народностей я оказалась единственной Куроме. А вторая Акаме, затесавшаяся в наши ряды, погибла во время первого же "экзамена", м-да... и так моя сестра тоже вернула свою локальную, в рамках коллектива, уникальность.

В-третьих (и это опять же отчасти вытекает из во-первых и во-вторых), неоспоримое доминирование личных имён над всеми иными, кроме столь же личных прозвищ. Момент из тех, которые местными не осознаются, как рыбы не осознают, что вода мокра. А вот для меня по первости диковато было слышать и думать "генералиссимус Будо" или "премьер Онест". Потому что если перевести это на русский буквально, получится что-то вроде "фельдмаршал Михаил" или "президент Владимир".

На первой родине я — да и не только я — отмечал, что на Востоке фамилия стоит перед именем. Родовое имя у тех же японцев с китайцами первенствует над личным, коллективное над индивидуальным. А в западной традиции наоборот: при полном представлении человека сначала идёт личное имя, затем (если есть) патроним, то бишь отчество, и лишь потом — фамилия (имя рода/семьи). Что даёт первенство индивидуального над коллективным, частного над общественным. Но у имперцев эта педаль вжата в пол прямо-таки до упора. Вплоть до того, что если представить кого-то по фамилии — представляемый будет нешуточно оскорблён. Это всё равно что заявить — так и так, мол: твой род, твоя семья стоят упоминания, а вот ты сам — никто и звать никак. Пустое место. Не индивид, а всего лишь член рода/семьи/клана. Какой-то там по счёту. Не занимающий никакой должности, не обременённый каким-либо занятием или профессией, имя которого не стоит упоминания.

Культурная особенность эта, очевидно, появилась в результате самой явной разницы двух миров. На Земле не было Воинов Духа, не существовало людей-отрядов, людей-полков и людей-армий. А в этом мире такие люди были и есть — и они же задают тон. Не напрямую, нет — но

когда поколение за поколением на вершину социума поднимаются (порой с самых низов) именно воители, то есть яркие личности, выковавшие себя в горниле жёстких тренировок и смертельного риска за счёт собственного неординарного таланта, обладатели не условной, договорной, а самой что ни на есть личной власти...

Это не может не сказаться в том числе на культуре и обычаях. Или том же этикете, да.

Мир, в котором я живу свою вторую жизнь — мир индивидуалистов. Ярко выраженных. На Земле вот так, по именам, называли разве что царей, императоров и римских пап, иногда с добавлением номера и прозвища. А здесь аналогично — по статусу/профессии/должности и личному имени — называют всех. Вот вообще. От распоследнего крестьянина до премьер-министра. Здесь каждый как будто немножко король (или королева). Просто масштабы владений разные: кто-то властен лишь в стенах своей кривобокой халупы, да и то условно; кто-то в пределах села или города; а кто-то отбрасывает тень своей славы на всю миллиардную Империю, да и её соседей тоже достаёт.

Отсюда же актуальное равенство полов: ведь женщины тоже могут становиться Воинами Духа. И становятся ими. Причём очень даже часто. Так что попытка принудить к чему-то там даму, способную ловить пули зубами не в фигуральном, а вполне себе буквальном смысле, для принуждающих заканчивается плохо. Вплоть до фатального исхода прямо на месте.

К сожалению, люди всё равно остаются людьми. И то, что принуждать сильных к чему-либо напрямую — опасно, ничуть не останавливает попыток извернуться похитрее, а потом всё-таки как-то принудить. Обмануть, нажать авторитетом, подмять, подкупить.

Или ещё того проще: посадить на наркоту с пропагандой. Да, взрослый Воин Духа за такое башку снесёт, не отходя от кассы. А вот с толпой несовершеннолетних сей ловкий фокус прокатил без скрипа...

Настроение для длительных водных процедур у меня пропало, поэтому, быстро смыв с себя дорожную пыль, я вскоре покинул санузел. В голове мелькнуло мимолетное сожаление об отсутствии фена. Конечно, моей причёске далеко до шикарной гривы ниже попы, которой обладала Акаме, а жёсткие прямые волосы и сами по себе высохли довольно быстро.

Но не мгновенно.

В принципе, существовала несложная духовная техника для очистки шевелюры от грязи и влаги. Но она как раз подходила обладателям длинных и тяжёлых грив. Те, у кого причёска покороче, после её применения напоминали ударенных током. В общем, мне лучше использовать полотенце... и мечтать о фене.

— Хм, а что, собственно говоря, нам мешает приобрести сей чудо-прибор? Если их, конечно, производят, — проговорил себе под нос, расхаживая по комнате и давая телу обсохнуть. Разумеется, раньше, до получения тэйгу, обрести полезным и не очень имуществом было глупо, ибо мне же его на себе и таскать. А вот сейчас, обладая пространственным карманом, можно взять с собой не только фен, но даже электрогенератор для него! И для других бытовых приборов, кстати.

Не то чтобы я горел желанием потратить неизвестное количество золота на подобное приобретение, но существовала масса других, более нужных вещей. И как мне раньше не приходила в голову идея о таком использовании Яцуфусы? Это же практически воплощение множества девичьих грёз о бездонной, ультрамаленькой, невесомой сумочке!

Пространственное хранилище мертвых марионеток — естественно, не инвентарь из компьютерной игры и напрямую с ним взаимодействовать нельзя, по крайней мере, на данном этапе. Но что мне мешает назначить «добровольца» на почётную должность носильщика-интенданта и призывать его вместе с грузом? Правильно! Ничего не мешает! Ну, кроме некоторой инерции мышления, которую я вроде как преодолел. Окрылённый перспективами, я весело улыбнулся. Плевать на фен, но ведь это же всегда можно носить с собой стратегический запас печенек и других сладостей! Не каких-то пару-тройку кило, а целый мешок! Два мешка! Нет, лучше три!

«Ух! Если бы сестрёнка узнала о такой секретной супер-способности Яцу, то точно лопнула бы от зависти! Какой ещё тейгу способен хранить вкусняшки?! Яцуфуса — лучшая!»

Позже стоило проверить, какой объём груза способна переместить с собой марионетка. При удаче можно носить с собой уйму нужного, начиная от одежды и заканчивая такой крайне полезной в нашем деле вещью, как взрывчатка.

Что интересно: несмотря на наличие образцов, намного превосходящих обычный порох и даже тол, особого распространения «адские машинки» не получили. Нет, в горнодобывающей отрасли вроде использовали вариацию динамита, да и не только в ней. В армии ВВ тоже применялись — в основном в инженерных войсках и у монстробоев. По словам Кенты, несмотря на жадность снабженцев, даже в его захудалой части заманивание особо сильной твари к ранее заложенному фугасу считалось стандартной тактикой. Обычно дорогостоящие потроха сильных монстров с лихвой окупали затраты. Те охотники за ценным ливером, кто побогаче и поближе к Столице, даже неадекватно дорогие гранатомёты имели на вооружении.

Оно и верно: как иначе простым людям справиться с тем же Земляным Драконом или Скальным Вараном, не говоря уж о монстре ранга В или А?

Хотя с А-рангом без поддержки одарённых — скорее всего, никак. Если В-класс можно сравнить с танком, причём отнюдь не медлительной жестянкой времён Первой Мировой, то даже самая слабая ашка — это уже практически бронепоезд. Причём очень быстрый, манёвренный и не нуждающийся в рельсах. Да плюс к тому обладающий какой-нибудь пакостной способностью, которая и позволила монстру вскарабкаться на вершину пищевой цепи, не будучи съеденным. Маскировка, атаки стихией, ядовитое дыхание, дополнительное укрепление брони... полёт... регенерация... а у эсок обычно имелась не одна такая козырная способность, но их сочетание.

Неспроста люди называли подобных тварей Бедствиями.

Возвращаясь к предыдущей теме: у моих коллег по диверсионно-террористической деятельности различные виды бомб особой популярности так и не снискали. Ни тебе бандитов и «бизнесменов», увлечённо подкладывающих друг другу взрывоопасные подарки, ни революционеров-бомбистов. Даже религиозных фанатиков, несущих неверным очищение с помощью аллах-бабахов, в Империи как-то не завелось.

Что ж. Как обладатель знаний более продвинутой цивилизации, я обязан развеять тьму невежества, застилающую глаза жителей этого мира! Террор без взрывов — не террор! Это как несладкий чай без десерта! Внутри проснулся какой-то нездоровый энтузиазм.

— Мы взорвём небо, землю и даже Аллаха! — весело воскликнул я и, раскинув руки в стороны, раскрутился на месте. — И да пребудет с нами святой динамит! — в памяти всплыла одноимённая песня группы Powerwolf, отрывок из которой сам просился на язык. Я даже не стал его переводить, английский и так сойдёт за стилизацию древнего языка.

— Pray for this time we awake

And we all

Die, die, die tonight

Sanctified with dynamite

Die, die, dynamite

Hallelujah! ...*

/*Молитесь в мгновения нашего пробуждения

И мы все

Умрём, умрём, умрём этой ночью,

Освящённые динамитом,

Умрём, умрём, подорвёмся,

Аллилуйя! /

...«Блин, стоило немного расслабиться с дороги, и началось, — мысленно пробурчал я, когда волна веселья схлынула. Идея сыграть в безумного подрывника и очистить всех пламенем взрывов не перестала казаться интересной, но уже не несла такого, хм, взрыва эмоций. — Да и одеться надо бы, — пальцы поскребли голый живот. Представив, как я только что выглядел со стороны, недовольно хмыкнул, покачал головой и принялся облачаться.

Несмотря на снижение дозы наркотика, на меня всё так же иногда «накатывало», стоило слишком расслабиться. Да и объединение памяти прошло не так гладко, как хотелось бы. Внутренних конфликтов не наблюдалось лишь до тех пор, пока точки зрения прошлого и нынешнего воплощений не вступали в конфликт. Эксперименты с силой тейгу тоже не добавляли уравновешенности.

Не мешало бы налечь на самоконтроль и включить в график классические успокаивающие медитации.

— Прости, дядюшка Шео*, но я предпочту сыру печеньки... те самые, с Тёмной Стороны, хихикс.

/*Шеогорат — Даэдрический Лорд, покровитель безумия. Персонаж серии игр The Elder Scrolls./

Одевшись, уже вполне спокойно вернулся к мыслям об использовании взрывчатки. В принципе-то идея хорошая, особенно ввиду грядущего ослабления. Задумавшись, я снова начал расхаживать по комнате. Вместо того, чтобы лезть в пасть дракона самому, можно отправить туда увешанную взрывчаткой нежить. Похрустывать печеньками и наблюдать за фаершоу со стороны — что может быть лучше?

Но как и всегда, существовала парочка нюансов.

Во-первых, взрывчатку нужно где-то достать. Тут повальная коррупция и воровство на армейских складах играют мне на руку, спасибо новому министру обороны Кокэю. Даже без предъявления тяжеловесных бумаг с водяными знаками и печатями, военные интенданты с радостью спишут центнер-другой отсыревшей/погрызенной крысами/использованной на учениях взрывчатки.

Но нужны деньги. Видимо, пора подыскивать кандидатуру на роль щедрого спонсора нашей группы доблестных защитников Империи.

Во-вторых, потребуются знания. В отличие от использования и противодействия стрелковому и метательному оружию, сапёрному делу нас в Подземной Базе не учили. Про навыки прошлой жизни и вспоминать не стоит. Не хотелось бы подорваться на собственном «подарке» и на практике проверять устойчивость воинов духа к слишком близким взрывам.

Я задумчиво почесал подбородок. Вроде бы Кента упоминал, что немного разбирается в

установке фугасов и обращении с гранатами. Чтобы провести ликбез, этого должно хватить, а позже можно подыскать нормального специалиста. В южном городе с забавным названием Кукута, куда направляется наша группа, тоже есть военная часть, а местный генерал является одной из целей. Так что...

Гррр! — рык желудка вывел меня из размышлений, напомнив, что ужин ужином, но и до него неплохо что-нибудь перехватить. Не найдя поводов возражать «внутреннему монстру», я направился на инспекцию местного ресторанчика.

* * *

Как и само заведение, ресторан при гостинице производил впечатление обедневшего аристократа, старающегося сохранить остатки бывшего лоска. Зал практически пустовал, лишь один из столиков занимал пожилой мужчина с седеющими тёмными волосами и короткой «испанской» бородкой. Одетый в идеально выглаженный, по виду недешёвый, но уже не новый костюм темно-серого цвета, одинокий посетитель что-то пил из чашки и задумчиво смотрел в окно. Увидев мою застывшую в поисках официанта фигуру, мужчина поставил чашку на стол, поднялся со своего места и спросил:

— Желаете сделать заказ?

— Вы официант? — удивленно спросил я. Этот человек с умными глазами и следами чернил на пальцах походил на официанта примерно так же, как здоровяк Бэйб — на выпускницу института благородных девиц. Хотя, ненадолго усилив обоняние, я понял, что от него исходит запах этой гостиницы. Значит, действительно кто-то из местных работников. Управляющий?

— Не похож? — обладатель ухоженной бородки изогнул бровь.

— Не очень. Скорей, я предположу, что вы управляющий... или даже владелец этого заведения.

— Bravo! Восхищён вашей проницательностью, юная леди, — улыбнулся мужчина. — Но сейчас, пока мои сотрудницы заняты, я действительно исполняю роль официанта. А вы,

полагаю, спасительница племянницы моего друга Хантера?

— Можно сказать и так, — я неопределённо дёрнул плечом.

— Тогда для юной героини первый заказ за счёт заведения, — чуть шире и, как мне показалось, с некоторой иронией улыбнулся мужчина, показав здоровые зубы. Ну, или качественные протезы, что тоже возможно. Стоматология в Империи, пожалуй, даже обгоняла земную — в основном за счёт использования алхимии. Цена услуг соответствующих специалистов тоже... впечатляла.

— Было бы некрасиво вас разорять, — ответил, мысленно поморщившись от словосочетания «юная героиня» и снисходительных ноток в голосе. — Поэтому закажу чай с пирожными и печеньем, а также небольшую историю о названии этого места.

— С радостью выполню ваш заказ, — глаза моего собеседника на мгновение сузились. — Нам, старикам, поболтать только в удовольствие, — вернув себе радушный вид, сказал псевдо-официант и направился к кухне.

«Чего это он? — удивился я мелькнувшему в чужих глазах раздражению. — Неужели увидел в моей шуточной фразе о нежелании разорить это заведение попытку уколоть, намёк на его бедственное положение? Забавно. Ну, будем считать, что это ответ на юную героиню».

Зачем я интересовался историей гостиницы? Если исключить чистое любопытство и желание развеять скуку, цель — сбор информации. Я, конечно, неплохо перетряхнул память как того, что нам говорили во время учёбы, так и того, что удалось увидеть за время работы, но этого недостаточно. Совершенно. А из подобных историй порой можно выловить интересные моменты.

В мире без радио и телевидения с интернетом люди гораздо охотнее шли на контакт, а уж поболтать за столом — это святое. Многие могли так просидеть и час, и два, и больше.

Вскоре мужчина вернулся с подносом, на котором стоял фарфоровый чайник с двумя чашками,

сахарница и две хрустальные вазочки — одна с кремовыми пирожными, вторая с миндальным печеньем.

Попивая неплохой сладкий чай с такими же неплохими пирожными и отличным печеньем (надо бы прикупить здесь несколько килограмм, местный кондитер явно не даром проедает свою зарплату), я слушал рассказ Брейна, а именно так звали моего собеседника, о его отце, который и основал гостиницу.

Кстати, задав попутно вопрос о таможенных сборах, я убедился, что всплывшие в голове знания — не бред. В карман главнокомандующего действительно лились целые реки золота. Хлебная у старика должность.

Возвращаясь к истории родителя Брейна: пятый сын обедневшего рода безземельных дворян, вылетевший с предпоследнего курса медицинского университета, из всего наследства получил полуразвалившуюся торговую лавку в этом городе. Родня, придав ускорения не оправдавшему надежд отпрыску, и думать о нём забыла. Неизвестно, как сложилась бы его судьба в иных обстоятельствах, но недоучившемуся врачу повезло. Затеяв ремонт в доставшемся ему от щедрот рода здании, парень обнаружил самый настоящий клад. На вырученные от его продажи деньги он и построил гостиницу, которой хозяин в память о своём студенческом прошлом дал название на мёртвом языке медиков и алхимиков.

Но судьба, одарив улыбкой отца, решила взять плату с сына. Получив в наследство приносящую неплохой доход гостиницу в престижном районе, Брейн довольно успешно ей руководил и даже затеял расширение бизнеса, вложившись в строительство ещё одной.

А потом в том районе вспыхнул масштабный пожар.

Разумеется, огонь в конце концов удалось победить, но значительная часть города превратилась в горелые развалины. В том числе и строящаяся вторая гостиница.

И всё бы ничего, ведь первое заведение не пострадало. Но один высокопоставленный чинуша решил провести аферу, скупив за бесценок землю под пожарищем. Само собой, бывшие хозяева этому не обрадовались, а кое-кто резко возражал... но, как и всегда, прав оказался тот, у кого больше прав. Хитрый чиновник вдобавок сумел организовать на бюджетные средства

расчистку пострадавшего от пожара района и вполне обоснованно рассчитывал обогатиться на торговле землёй под застройку.

Только у одного из выкинутых на улицу погорельцев имелось своё мнение на этот счёт. В итоге чинуша безвременно скончался.

Стоило ли надеяться, что после торжества справедливости всё наладится? Ну да, смешной вопрос.

После смерти комбинатора его действия признали незаконными, а земля перешла в ведение городской администрации. Пока коллеги погибшего увлечённо грызлись за самый жирный кусок пирога, образовавшийся пустырь облюбовала беднота, быстренько застроив его своими хибарами. Ранее престижный район, превратившись в окраину трущоб, мгновенно потерял свою привлекательность, а цена на землю в нём рухнула вниз.

В итоге гостиница Брейна, прежде довольно дорогая и с парой действительно элитных люксов, растеряла всех своих состоятельных клиентов (кто из богатеев согласится жить в месте, кишасшем бродягами, ворьем и бандитами?). Ныне «Улыбка судьбы» держалась на плаву в основном за счёт старых клиентов да упёртости её владельца и работников, не желающих покидать это место.

«Как это мило и знакомо, — хмыкнул я. — Меняются миры и времена, а коррупция, головоуятие и пофигизм продолжают торжествовать над здравым смыслом. А ведь если каким-то чудом у меня получится не сдохнуть, сохранить страну и занять значимый пост, то со всем этим придётся что-то делать», — я с иронией и каплей страха представил, что мне предстоит копаться в бумагах и выслушивать лживые оправдания вора на госслужбе. Причём годами.

«Нафиг-нафиг!» — отогнал мелькнувшие в голове картины. От такой работы хотелось держаться подальше.

Ещё когда наша группа числилась учебной, я спихнул обязанности командира на друга именно из-за своих околонулевых лидерских талантов и такого же желания заниматься отчётами. Стоило бы начать бороться с этим недостатком. А то стану начальником, да перебью всех

коррупционеров и казнокрадов, — кто тогда станет трудиться на ниве учёта и распределения благ? Хотя громкая и показательная казнь десятка-другого особо отличившихся и бесполезных вполне могла заставить остальных притихнуть и умерить аппетиты.

Ненадолго.

Для постоянного эффекта нужна нормально работающая полиция, а не бандиты в погонах, о «честности» и «неподкупности» которых по всей Империи ходят злые анекдоты. Относительное исключение составляет разве что стража Столицы. Несмотря на невысокое мнение Кей Ли, столичные полицейские умеют работать, хотя тоже отнюдь не безгрешные ангелы.

Я, конечно, не специалист, чтобы категорично судить об этом, но знал, как любитель прогуляться по улицам посещаемых городов, что шанс наткнуться на бандитов в сердце Империи в разы меньше, чем в любом другом городе.... разумеется, если говорить о сравнительно благополучных кварталах. По слухам, в этом «безобразии» виноват нынешний глава Полиции Столицы Огр. Или, как его прозвали за мягкий и добродушный характер — Демон Огр. Довольно эпичный персонаж, крайне жестокими методами подмявший под себя разом и столичную полицию, и криминал. Ну, изрядную его долю.

Если слухи не ввали, мужик выполнил воистину грандиозную задачу по наведению порядка в городе и реально заслуживал уважения вне зависимости от своих целей. Впрочем, «всемирной любви» к главному столичному полицейскому это не отменяло. Я бы не удивился, узнав, что ему принадлежал рекорд столетия по пережитым покушениям.

Да-да! Я говорю именно о том злодейском злодее, которого в будущем убьют отважные борцуны за свободу и всеобщее счастье из Ночного Рейда. Что ему там инкриминировали? Беззаконную казнь мужа какой-то проститутки? Или она после смерти благоверного ей стала? Железобетонный повод ухлопать человека, на котором держится порядок в многомиллионном городе — и погрузить сей город в хаос полицейско-криминальных войн с переделом власти! Ну чем не героический подвиг?

Понятно, что мятежникам только того и надо, но я сильно сомневался, что сестра с энтузиазмом восприняла бы подобную цель, заявив о ней лидер рейдовцев открытым текстом.

Не принимая людоедские порядки в стране, «во имя народного счастья» Акаме пошла против Империи, убила прошлого командира нашего Отряда генерала Билла, своего приёмного отца и наставника Гозуки, не пожалела даже сокомандницу, с которой они вместе выросли. Я очень сильно сомневался, что сестра стала бы смиренно воевать за «те же яйца, только в профиль». Скорее уж внутренний мир этой хитрой твари, Надженды, ждало бы предельно тесное знакомство с Мурасаме.

Впрочем, на то она и хитрая тварь, чтобы оплетать таких, как моя наивная сестрёнка, тенётами лжи. Хотя, если верить канону, мятежный генерал не слишком-то заморачивалась с созданием реалистичных доказательств того, что устранить некую цель поистине необходимо.

Вот как, спрашивается, какая-то второсортная путана смогла выйти на представителя самой разыскиваемой в Империи террористической организации? По объявлению в газете, что ли? Не говоря уж о вопросе, откуда у неё взялись деньги на заказ (а бесплатно, между прочим, «герои» из Ночного Рейда не работали). Сколько мог стоить заказ на одну из ключевых фигур Столицы, обладающую собственными способностями Воина Духа, да ещё и окружённую неплохой круглосуточной охраной? Полагаю, никак не меньше нескольких сотен золотых — или, переводя на деньги прошлого мира, минимум несколько сот тысяч долларов.

Даже если гипотетическая проститутка возьмётся обслуживать по несколько клиентов за раз, чтобы собрать нужную сумму, ей всё равно пришлось бы трудиться минимум год. Без остановок и перерывов на обед. Перед глазами на мгновение предстала картина того, как передовица всея борделей, не покладая, хм, ничего не покладая, работает без перерывов и даже во сне.

Да-а... это был бы трудовой подвиг, способный посрамить самого Стаханова!

«Ой, халтура! Ой, не верю!» — оценил я игру актёров и сюжет пьесы. Похоже, Надженда придерживалась крайне невысокого мнения об интеллектуальных возможностях своих подчинённых.

Эх, сестрёнка, с кем ты только связалась?

Обидней всего, что лишь пару дней назад я и сам мало чем отличался от высмеиваемых мной

революционеров. Да, я, как и сейчас, боялся и ненавидел Маркуса и его прихлебателей — но при этом верил, что он, как и мы, действует во благо Империи и её граждан.

Понимание того, насколько жёстко нас поимели — причём с нашего же согласия, Бездна их всех пожри! — злило просто невероятно.

«Ну их в нечищенный сортир! — я раздраженно потрянул головой. — Что одних, что других. Буду я ещё из-за всяких ублюдков портить себе аппетит. Как там у Шекспира? Чума на оба ваших дома!»

— Только массовые казни могут спасти Отечество, — тихо буркнул себе под нос, после чего забросил в рот последнюю печенюшку. На аппетит я наговаривал, конечно, зря, он у меня закалённый. После тренировок на смертниках моего «монстра в животе» не способен пронять даже вид и запах свежевспортого брюха, сопровождаемый воплями его обладателя — не то, что какие-то там мрачные мысли.

Ничто не может помешать доброй девочке-волшебнице насладиться вкусняшками!

— Что? — сфокусировал на мне взгляд ушедший в свои воспоминания пожилой мужчина.

— Если бы каждый новый чинуша занимал кресло, обитое выделанной кожей его проворовавшегося предшественника, Империя выглядела бы иначе.

— Кхм, да уж... — задумчиво протянул Брейн, всё ещё пребывая в своих мыслях. Потянувшись рукой к вазочке с миндальным печеньем и обнаружив там пустоту, он перевёл свой взгляд на полупустую тару из-под пирожных, которая, как и печеньки, была загодя отодвинута от загребущих рук. — Кхм, очень неожиданная позиция для юной леди.

— Не обращайтесь внимания, просто мысли вслух, — отмахнулся я. Но явно скучающий и любящий поговорить хозяин гостиницы не упустил предложения, втянув меня в диалог (скорее монолог) на тему, «как благоустроить Империю».

Брейн оказался ярким сторонником политики премьер-министра Чоури и прошлого Императора. Послушать о планируемых ими реформах было интересно, но слишком уж навязчиво и в розовых тонах описывал свои взгляды собеседник. С одной стороны, он желал реформ, которые власть якобы обязана провести (вот прям лично Онест ему должен, как земля колхозу, ага), а с другой — считал необходимым посадить «душителей народных свобод» на короткий поводок, как при мудром батюшке нынешнего правителя (правильно, зачем вообще в смутные времена нужны полиция и спецслужбы?).

Мои аккуратные попытки напомнить о мятежниках, с которыми вообще-то необходимо бороться, небрежно отметались. Видите ли, сознательная общественность сама должна присоединиться к прогрессивному движению, а «юная леди» в силу молодости просто не способна этого осознать. Причём говорил мой визави с таким апломбом, что его хотелось пару раз приложить лицом об стол. Исключительно ради приведения в чувство. Вот зачем начинать беседу, если не готов принимать мнение собеседника во внимание? Немного обидевшись, под действием эмоций я эвфемистично намекнул, чем в отсутствие опоры на спецслужбы закончилась попытка реформ для родителей нынешнего мелкого правителя.

На этом разговор и спёкся. Владелец гостиницы явно не горел желанием развивать опасную тему, да и я, опомнившись, прикусил язык, не озвучив ничего, кроме иносказаний. Пусть и довольно прозрачных.

— Если меня будут искать, передайте, что я ушла проветриться и скоро вернусь.

— Здесь небезопасно гулять после захода солнца, особенно в восточных кварталах. К вам могут пристать бродяги или даже бандиты, — с некоторым беспокойством посмотрел на меня полуседой мужчина.

— Тем хуже для них.

Ступив на брусчатку улицы, я выдохнул:

— Уф. Раздражающий тип.

В целом хозяин гостиницы оказался неплохим человеком, что подчёркивало его искреннее беспокойство о благополучии чужой, в сущности, девицы; мою антипатию вызывало несовпадение наших характеров, но раздражение от этого никуда не девалось. Как и тот факт, что я наговорил лишнего. Увы, но несмотря на память прошлой жизни и суровую школу нынешней, моему телу всего четырнадцать и это... сказывалось. Хотя справедливости ради стоило отметить, что память привыкшего к свободе слова землянина тут больше мешала.

«Надо было уходить сразу, как кончилась еда, а не строить из себя диванного политика», — с досадой думал я, шагая по дырявой брусчатке.

Наступающие сумерки затенили неухоженность местных улочек, но даже без обострённого духовной силой зрения я бы легко заметил, что для этого района наступили трудные времена. Некоторые фонари разбиты, зеленые насаждения выглядят запущенно, фасады части домов облупились. Да и запах навоза ощущается куда сильнее, чем должен в местах, где улицы убирают качественно и регулярно.

Наблюдая за картиной упадка, сдерживаемого теми, кто по каким-то причинам не смог покинуть этот проклятый неудачей район, я вернулся к затронутой в разговоре теме: смерти прошлого Императора.

На самом деле теория об отравлении Императорской четы (а если верить канону манги — самая что ни на есть реальность) очень популярна в околореволюционной среде. Представители одной из ячеек меня с ней и познакомили практически на заре карьеры.

Наивные люди! Я тихо хмыкнул, вспомнив ту миссию. Тогда мятежники хитро совместили свою базу и подпольную типографию под вывеской клуба любителей поэзии. Довольно оригинальная маскировка. Впрочем, судя по сплошь интеллигентным лицам, никудышным боевым навыкам и тому, что многие из бунтовщиков вместо того, чтобы драться или бежать, пытались «глаголом жечь сердца» пришедших по их душу убийц, маскировка их была не такой уж и маскировкой.

Они так увлечённо вещали, что мы служим узурпатору и убийце прошлого Императора, будто верили в то, что группа малолетних ликвидаторов мгновенно перекуется и бросится свергать «тиранию мерзавца-Онеста и его клики».

— Смешные, — я улыбнулся заросшему щетиной сутулому мужику, который целенаправленно двигался в моём направлении. Тот почему-то сбился с шага и сделал вид, что шёл мимо. Заметил Яцуфусу?

Конечно, полиция и разведка по мере сил боролись с неугодными нынешнему правительству слухами и их распространителями. И если бы до них дошла информация, что кто-то из благородных или приравненных распространял не одобряемые государством сплетни, такого говоруна взяли бы на карандаш и даже могли покарать... штрафом. «Суров закон, но он закон», как говорили римляне.

Пока дворяне не начинали плести откровенных заговоров или прилюдно оскорблять Императора, они могли болтать между собой практически о чём угодно. Вот для простонародья, особенно небогатых его представителей, которые не могли дать судье взятку, последствия невоздержанности на язык выходили намного печальнее. Имперское правосудие не ведало жалости к беззащитным нижестоящим. В зависимости от настроения юстициаров, незадачливый болтун мог получить наказание, начиная от бичевания (плетьми наказывали за менее значимые проступки) и заканчивая «высшей мерой», с формулировкой «за подстрекательство к бунту».

«Хорошие у нас в стране законы, справедливые!» — Хотя чему тут удивляться? Неравенство сословий перед законом — одно из его основных положений. В прошлом мире правящий класс также создавал правила для своего удобства, а не для эфемерного «блага страны», просто это не так бросалось в глаза. Даже при СССР, начиная со времён незабвенного Никиты-кукурузника, существовала законодательно закреплённая неподсудность партноменклатуры. При формально бессословном обществе, да-да.

Не то чтобы я хорошо подкован в Имперском законодательстве. Просто во время тренировок на смертниках некоторые из них любили поболтать и, перетряхнув воспоминания, из этой болтовни удалось вытянуть некоторые полезные моменты.

По непонятной причине каждый второй считал, что если он или она расскажет свою историю невинно осужденного, то его не станут убивать и отпустят. Глупая надежда. Разу к третьему-пятому нам стало уже плевать, как выглядела и что говорила живая кукла для отработки ударов. Вероятно, в этом заключалась одна из причин, почему смертникам не затыкали рты перед казнью — психологическая подготовка или что-то вроде того.

Удивительно, что я вообще вспомнил случай приговорённого к смерти за длинный язык. В тот

момент мою голову больше занимали мысли, какой тортик приобрести в рядом стоящей кафешке — кремовый или вафельный, а не болтовня будущего трупа.

«Что-то ты совсем в воспоминания ударился, прямо как старик, — хмыкнул я, обходя по широкой дуге подозрительного вида и запаха лужу. Вероятно, действительно не стоило идти в восточную сторону, грязи вокруг и конкретно под ногами становилось всё больше. — Хотя если сложить нынешние и прошлые года, то выйдет... да, около сорока. Совсем не юношеский возраст».

Для какого-нибудь местного крестьянина сорок — это уже дедушка, а шестьдесят — почтенный долгожитель. Землепашцы, насколько я знал, редко доживали и до пятидесяти. Голод, монстры, разбойники, отвратительная медицина и всё такое. Рабочие жили ещё меньше. Правда, если сравнивать себя с кем-то вроде генералиссимуса Будо, который в свои девяносто с хвостиком оставался бодр, силён и выглядел едва лет на пятьдесят, то я, даже сложив прожитые в обеих жизнях годы, так и останусь сопляком.

Да и вёл я себя, к сожалению, не как умудрённый опытом четырёх десятилетий человек. Наоборот: отдельные очевидные раньше опасности подсознательно перестали восприниматься всерьёз. Земная часть с трудом переваривала некоторые аспекты нынешней действительности. Опасный недостаток, с которым нужно бороться. Но, как говорила киногероиня из прошлой жизни, «я подумаю об этом завтра», а пока можно и расслабиться.

Вспомнив детскую песенку про школу, стал негромко напевать незамысловатый мотивчик, правда, изрядно переврав слова:

— Ловко смертников рубить и одежд не замочить

Учат в школе, учат в школе, учат в школе!

Императора любить, мятежи в крови топить

Учат в школе, учат в школе, учат в школе!

Пленных жёстко допросить и без жалости добить

Учат в школе, учат в школе, учат в школе!..

Так, изгаляясь над раздражавшей меня в бытность земным школьником песней, я размеренно двигался по улицам.

Вопреки предупреждениям Брейна, никто из обретающихся вокруг оборванцев и мутных личностей, которых действительно становилось всё больше, не спешил навязать мне своё общество. Видимо, хозяин гостиницы относился к этим людям с толикой предвзятости. Хотя наличие оружия тоже могло сыграть свою роль.

Ну, или тут сказалась сила тейгу, каплю которой я в качестве эксперимента излучал вовне.

Из центра груди по телу разносилась лёгкая прохлада — и, судя по опасливым взглядам полукриминальной публики, производила некоторый эффект. Из неприятного стоило отметить, что даже небольшая доля энергии артефакта начинала понемногу давить на разум. Ничего особенного, но в легкомысленном изначально настрое стало звучать всё больше ноток злого веселья.

С каждым пройденным кварталом число подозрительных типов росло, а окрестности выглядели всё хуже. По обочинам обретались обладатели явно разбойничьих физиономий, пьяные, бродяги и разбитного вида девицы известной профессии. Возраст жриц любви колебался лет, наверное, от четырнадцати и до сорокалетних старух, выглядевших существенно старше своего календарного срока.

Что тут сказать? В Империи нет проблем ни с беспризорниками, ни с детской проституцией. Но не потому, что этих категорий населения не существует физически, просто всем плевать. Бродяг, да и вообще бедноту государство и за людей не особо считало. Что уж говорить о попытках вникнуть в их проблемы?

Любой дворянин или просто «приличный человек» мог убить «трусобную крысу» без особых последствий. Вроде бы для столичных ценителей даже существовали развлечения наподобие охоты на двуногую дичь. По крайней мере, Кей Ли рассказывал о зачистке устройств таких

забав, которые по совместительству держали чёрный* бордель, да только по неосторожности пустили на мясо кого-то не того.

/*Нелегальные заведения, специализирующиеся на любителях поиграть в Джека-Потрошителя/

Группа нашего шутника в основном специализировалась на работе в Столице, частенько сотрудничая с полицией и смежниками из разведки. Так что он мог рассказать много чего любопытного, хоть и не всегда легко удавалось понять, где он шутил, где привирал, а где развешивал на уши откровенную лапшу, вроде байки о жарком из младенца.

Или всё-таки не лапшу?

«Мило, — усмехнулся я, глянув на свою беременную ровесницу с бланшем на пол-лица. Девчушка лет двенадцати-четырнадцати сидела на ступеньках и «лечилась» крепким алкоголем прямо из горлышка. — А где-нибудь в паре километров звучит «хруст булки» и вовсю льется шампанское. У каждого вечера упоительны по своему, хе-хе».

Спустя некоторое время блужданий и лицемерия безрадостных картин разрухи, грязи и нищеты я повернул назад от преддверия настоящих трущоб. Перспектива найти здесь что-нибудь приятное глазу или носу — порыв ветра донёс «дивный букет» запахов помойки, падали и общественного туалета, который с лёгкостью перебил и так не самый благодостный аромат грязных улиц — выглядела весьма сомнительно. Прекратив тянуть из Яцуфусы силу, которая уже перестала казаться приятно-прохладной, сделавшись знобко-колющей, я изменил направление движения, собираясь, заложив крутую петлю, вернуться к «Улыбке судьбы».

Но спокойно вернуться в гостиницу мне не дали.

* * *

Уже на границе относительно пристойных кварталов из подворотни раздался детский крик:

— Сестрёнка, подожди!!! — Вскоре оттуда выскочил белокурый мальчуган лет восьми. — Пожалуйста, помоги! Сестрёнка Лия! Ей придавило ногу! Ей больно, а бревно слишком тяжёлое! Скорей! Пойдём! — продолжая тараторить, ребёнок попытался ухватить меня за пояс, но получил хлопок по руке и больше не пробовал тянуться, куда не следовало. Впрочем, создавать шум он не перестал. — Прошу! Пожалуйста, пожалуйста, помоги! Ты же добрая! — мальчик начал всхлипывать, а по его лицу потекли слёзы.

«Талантливый паренёк».

Малолетний артист носил недорогую, но достаточно чистую и опрятную одежду, что создавало образ сына небогатых, но заботящихся о своём отпрыске родителей. В сочетании с напуганно-обеспокоенным выражением на ангельском личике выходил образ, совсем не вызывающий подозрения даже на пороге ночи. Напротив: буквально всё взывало прийти на помощь попавшему в беду ребёнку и его сестре.

Ну, взывало бы, обладай его цель более развитыми родительскими инстинктами. И если бы я заранее не засёк оценивающих взглядов мальчика.

Пусть со стороны могло показаться, что я вёл себя довольно безопасно, но любой толковый убийца всегда и в любых обстоятельствах готов отразить атаку или напасть сам. Если сюда добавить обострённые духовной силой чувства и способность ощущать чужую агрессию или внимание — внезапное нападение, как и простая слежка, становились довольно затруднительными. Не невозможными, но требующими специалистов сходного уровня. Много более высокого, чем у сколь угодно талантливого уличного мальчишки.

— Ну, веди, Вергилий, — усмехнувшись, я решил поддаться любопытству и проверить, что за умники придумали заманивать жертв, пользуясь их добросердечием.

И разъяснить, как они смертельно неправы.

Альтруистов, готовых прийти на выручку незнакомцу, и так мало, а благодаря таким вот деятелям становится ещё меньше. В награду за желание помочь лишившись в лучшем случае кошелька, даже святой сочтёт за лучшее в следующий раз пройти мимо. Как и десятки других людей, знакомых с его историей. Вот и получалось, что подобные шайки, даже если они только

грабили, умудрялись изгадить окружающий мир не хуже каких-нибудь отморозенных разбойников.

— Спасибо! Спасибо! Спасибо! — чуть не подпрыгивая, затараторил мелкий. — Быстрее, побежали! — паренёк бегом бросился в подворотню, но увидев, что я не собираюсь ускорять шаг, замедлился и повёл меня вглубь дворов.

— Пришли! — воскликнул малец, когда мы миновали неширокий, наполовину заваленный проход между зданиями. Пакостно ухмыльнувшись, он шмыгнул к грубо сколоченному из досок столу. Там, сидя на таких же грубых лавках, под светом примуса играли в карты четыре мужика вполне бандитского вида. На столе помимо пяти кружек и карт с деньгами стояла глубокая тарелка с какой-то закуской и глиняный кувшин литра на четыре. Ещё два таких же, но пустых лежали на боку неподалёку от игроков.

— Красава Чики, только за баб тереть начали, а он уже свежую шмару притащил! — щербато оскалился рыжий бандит со свернутым набок носом и шрамом вдоль лба. — Лови, заслужил! — в сторону паренька полетела крупная медная монета, которую тот мгновенно поймал и упрятал куда-то под одежду.

— Так вот ты какая — сестрёнка Лия, — насмешливо протянул я.

— У-кхи-хи-хийх! — разразился дёрганным визгливым смехом, худой и невысокий обладатель сальных волос неопределённого цвета. — Слыхали, как дырка Ржавого? Мож, сменим ему погремуху? А, братва?

— Завались, Хорь! — ощерился кривоносый. — Совсем обдолбался, сучок? Зубы лишние выросли? Ща, бля, исправлю! — не оценил юмора рыжий.

— Ну чё, малявка? — повернулся ко мне смуглый толстяк с побитым оспой лицом. — Типа, кошелёк или жизнь, да? — с такой же щербатой, как у кривоносого, усмешкой произнёс он и расхохотался.

«Не банда, а мечта стоматолога-протезиста».

— Ладно, вываливайте всё ценное — и я, так и быть, не стану вас убивать, — наклонив голову к плечу начал ждать реакции. Подобная публика всегда отличалась развитым чутьём на неприятности. Было интересно, смогут они сопоставить оружие на поясе с нетипичной для жертвы реакцией и попытаться решить дело миром... или нет?

Толстяк ненадолго напрягся, его ладонь легла на рукоять ножа на поясе, а взгляд метнулся к проходу. Не найдя там ничего опасного, он расслабился и перевёл глаза на точку у меня за спиной.

«Идиот. Он бы ещё пальцем в своего подельника потыкал! — хотя это мало что изменило бы. «Мастер скрытности» в паре метров позади меня сопел так, будто подражал Дарту Вейдеру. Вдобавок «ситх» шумно перетапывался на месте, не говоря уж о запахе перегара и немытого тела, который данный индивид распространял вокруг. — А вообще странно, что он сразу не попытался меня схватить. Или господа романтики больших дорог изволят куражиться?»

— Шютишь?! — с явно различимым южным говором, произнёс разозлившийся за свой мимолетный испуг, рябой толстяк. — Смишьно тебе? Да? Мы сейчас тоже посъеме́мся! — покрытое оспинами лицо исказилось в злой гримасе.

— Маленькая языкастая шлюшка, люблю таких! — довольно хохотнул бандит с кличкой Ржавый. — Буду первым!

— И чиво ты в малявках находишь? — спросил у подельника резко успокоившийся южанин. — Ни жопы, ни сисек, одни мослы. Хорошая баба должна быть большой, мягкой и сладкой. Как персик! — мечтательно прищурил глаза, причмокнул рябой.

— Зато щёлка узкая! И когда распечатываешь, пищат весело, хы-хы! — расплылся в скабресной улыбке кривоносый. — Не хочешь, и ладно: мне больше достанется.

«Странно», — подумал я, глядя на обсуждающих ТТХ моего тела «знатоков женской красоты».

Снисходительное отношение от хозяина «Улыбки судьбы» или жалость к «искалеченной девочке» от миньона смогли меня немного задеть. А конкретно сейчас я не чувствовал ничего, кроме вялого интереса. Будто посетитель зоопарка, наблюдающий за кривлянием шимпанзе.

Хотя да. Там были люди, а тут...

— И мне! И мне! Я тоже хочу поиграть! — подал голос подпрыгивающий от переизбытка эмоций мелкий паренёк.

— Ша! — гаркнул доселе молчавший, самый старший по возрасту и наиболее прилично выглядящий бандит с темно-зелёными волосами и повязкой на правом глазу. — Развели базар! А ты, Чики, заткнись, ещё прошлый косяк не отработал. Сказано было лицо не трогать, так какого хера ты ей глаза выколол?! Клещ! — одноглазый перевел свой начальственный взгляд мне за спину. — Хорош мять говно, пакуй эту дуру и тащи в хату!

— Вы выбрали.

* * *

Если бы кто-то наблюдал за происходящими событиями со стороны, он бы увидел, как лицо странной, совсем не боящейся окружающих бандитов девочки после короткой фразы исказила светлая, но вместе с тем ощутимо неправильная улыбка.

Через мгновение брюнетка исчезла, чтобы появиться чуть в стороне от стола. В одной руке она держала обнаженный клинок, а в другой чистую тряпицу. Не обращая внимания на шум оседающих тел и хрипы рыжего бандита, девчонка протирала и так безупречно блестящий металл.

— Ты тоже весело хрипишь, — задорно улыбнувшись, она посмотрела в слезящиеся глаза рыжего бандита. Любитель молоденьких девочек, упавший на спину, зажимал рану на груди, не в силах громко закричать из-за пробитого лёгкого. На растянутых в болезненной гримасе губах пузырилась кровь, а изо рта вырывались свистяще-хриплые стоны.

— Видишь, как бывает? Ты предвкушал развлечение со мной, а в итоге я развлекаюсь с тобой. Хи-хикс, правда, забавно? Даже жаль, что мне скоро на ужин, а то бы мы вместе хорошенько повеселились. Как тебе, например, игра в хомячка и вивисектора, рыжик? — В серых, но на миг будто бы налившихся чёрно-фиолетовой тьмой глазах промелькнуло что-то жуткое, заставившее умирающего мужчину выйти из шока от проникающего ранения. Оттолкнувшись ногами от лавки, он сделал попытку отползти, скребя каблуками слежавшуюся грязь двора. — Куда же ты, дружок? Ты же сам так хотел позабавиться?

С насмешкой глядя на сучащего ногами бандита, девочка положила клинок катаны на плечо. Шагнув к одному из трупов, она выхватила из его ножен длинный нож и метнула в ногу тщетно пытающегося отползти мужчины. Нож по самую рукоять вонзился в голеностопный сустав, пришив ногу к вытопанной земле. Бандит со шрамом на лбу издал полустон-полувскрик и потерял сознание.

— Всё? Сдулся? — в глазах убийцы мелькнуло разочарование. Даже слабый воин духа смог бы сражаться с такими ранами. — Какой нежный! Тебе должно быть стыдно, дружок, — неодобрительное покачивание головы, — даже минуты не продержался. Скорострел, хи-хи, — весело рассмеявшись собственной шутке, девочка подошла к умирающему и точным ударом ноги сломала ему шею.

Вернув клинок в ножны, с играющей на губах полуулыбкой она повернулась к столу, намереваясь проинспектировать его на предмет вкусенького. Но, натолкнувшись взглядом на мертвое тельце белокурого мальчика, на лице которого навечно застыло удивление, юная убийца и сама застыла. А её лицо приняло хмурое и несколько растерянное выражение.

* * *

«Какого хрена я творю?!» — словно ведро ледяной воды окатило меня осознание содеянного, стоило посмотреть в широко распахнутые, не успевшие ещё остекленеть детские глаза.

«А что не так? Я зачистил банду грабителей, насильников и убийц. Разве не хорошо, что в Империи стало немного меньше человеческой грязи? Ну и развлёкся немного».

«Но я убил ребёнка!» — мысленно возопила иномировая часть личности.

«Первый раз, что ли? — недоумённо возразил сам себе. — Этого хотя бы за дело. Пацан был садистом и сообщником бандитов. Или следовало отпустить поганца и повесить на свою совесть всех его будущих жертв?» — внутри проснулась злость на нехоти вылезшие остатки лицемерной морали и жидкомясого воспитания из прошлой жизни. Очень обидно из-за кучки убранных отбросов получить раздвоение личности. Я попытался усилием воли заткнуть назойливое нытьё. Неужели в прошлой жизни я был таким соплежумом?

«Но чем я буду лучше этих бандитов?» — воображаемый голос стал чуточку тише, но продолжал зудеть и создавать внутренний диссонанс на задворках сознания.

«А ничем! Я уже отправила на тот свет на порядок больше народу, чем шестёрка этих крыс могла бы угробить за всю жизнь, и если будет нужно, убью в сотни раз больше! Или ты уже передумал менять судьбу страны, слабак?!»

«...», — внутренний голос, словно не найдя ответа, заткнулся, но продолжал транслировать неприятие.

На самом деле это не походило на противоборство двух личностей, скорее на... конфликт точек зрения, что ли? Доставшаяся с памятью частица личности тоже понимала, что уничтожить банду — самый простой и правильный выход. Экономный, аккуратный и даже милосердный. Но несколько убийств разом, в том числе и ребёнка, неслабо шокировали не привыкшего к такому землянина. Диссонанс шока меня-Виктора и весёлого безразличия меня-Куроме оказался весьма неприятен и откровенно бесил.

«Если желаешь остаться чистеньким, единственный выход — прямо сейчас перерезать себе глотку. Не хочется? Страшно снова попасть в Бездну?! Тогда предложи путь получше — или заткнись!» — в ответ донеслась смесь понимания, стыда, смирения и грусти. В тот момент я даже не понимал, какая из моих частей злится на «слабака», а какая с грустью принимает поражение и несостоятельность своей позиции.

Пришедший в равновесие разум перестали рвать противоположные чувства, а я ощутил... потерю. Словно небольшой кусочек меня растворился в пустоте. Было немного жаль те осколки мягкотелости, которые я получил из прошлой жизни и которые приходилось осознанно давить.

Пусть эта сентиментальность — лишняя, а то и смертельная в моём нынешнем положении.
Пусть!

Она оставалась частью меня.

Я знал, что поступил правильно. Ведь прирезал не мирных граждан, за убийство которых меня мог упрекнуть Натал, а таких же жителей тени, как и я, только заметно ничтожней. В конце концов, если одно зло уничтожит другое, разве это не добро? Ну ладно, ладно, не добро... убийство добрым не бывает. Но правильным и полезным? Вполне!

Несмотря на успешное самоубеждение, тягостный осадок никуда не исчез.

— Твори добро на всей земле,

Твори добро другим во благо,

Не за красивое спасибо

Услышавшего тебя рядом, — пропел я отрывок из песни беззубого тёзки сына премьер-министра.

При попытке представить на месте отморозка Сюры забавного фрика Шуру на лицо снова выползла усмешка. Всё же Кей прав, с юмором жить легче.

«Распустил, понимаешь, нюни! Школьница после мелодрамы, а не убийца!» — мысленно третируя себя за слабость и давя хандру, я окинул взглядом лежащие на столе деньги. Золота на банке у картежников ожидаемо не оказалось, если, конечно, не считать несколько бумажных фантиков достоинством в один аурей. Правда, если учесть, что курс бумажных денег к металлическим неуклонно падал, реальная стоимость такой купюры составляла от силы несколько серебряшек. В общей сложности, если не учитывать горку меди, считать которую мне откровенно лень, добыча составила три десятка серебряных аргов или чуть больше половины золотого аурея.

— Голодранцы, — недовольно буркнул себе под нос, оценив скромный размер трофеев. Мятежники в этом плане выглядели достойнее, да и дрались лучше. Придвинув к себе тарелку с закуской, я обнаружил там крупно нарезанный сыр.

Происходи дело в мире Древних Свитков, мне стоило бы испугаться внимания одного божественного сумасшедшего. К счастью, это не Нирн и Лорд Безумия не имеет здесь власти.

По крайней мере, я на это надеюсь.

— А ничего так, неплохо, — оценив вкус, потянулся за следующим кусочком. Ухватив за горлышко кувшин, я сделал небольшой глоток оказавшегося там пива. Признав вкус прохладного напитка удовлетворительным, выплеснул из стеклянной кружки главаря остатки, ополоснул ёмкость ещё одной порцией напитка и наполнил её для себя.

Перед тем, как сделать глоток, усмехнулся и отсалютовал небу, провожая в последний путь частичку себя — наивного и мягкотелого гуманиста.

— Лети к тому, кто в тебе нуждается. У простой убийцы нет столько сил, чтобы проявлять милосердие к врагам и преступникам.

Перекусив и выпив ещё немного пива, окинул взглядом мертвецов. Как всегда, съестное подействовало на меня благотворно. Но обыскивать трупы мне было откровенно лениво. С другой стороны, зачем подвергать себя опасности нацеплять вшей и работать самому, если можно смотреть, как трудятся другие? С этой мыслью я поставил кружку на стол и, вновь обнажив Яцуфусу, прикоснулся клинком к трупу одноглазого «пирата». Прикрыв глаза и сосредоточившись на восприятии духовной силы, я с интересом пронаблюдал, как моя энергия поглощалась тейгу и, смешавшись с силой артефакта, наполнила ранее мертвое тело, даруя тому подобие жизни.

— М-да. Ясно, что ничего не ясно, — буркнул себе под нос и открыл глаза.

Вроде ничего сложного, но погибни одноглазый не от тейгу, поднять бы его не удалось. Из

любопытства, подтверждая уже известную информацию, я попытался поднять рыжего, которому только пробил лёгкое, а потом сломал шею. Как и ожидалось, ничего не вышло. Энергия, начав наполнять тело, дальше потекла в пустоту: видимо, душонка этого трупа уже успела удрать.

«Хм, и почему «пират», умерший от Яцуфусы, вежливо дождался некроманта, а невоспитанный педобир нагло удрал? Интересненько. Нужно будет попробовать создать марионетку в медитации».

Вернув меч в ножны и поглаживая подбородок, начал размышлять, как бы это сподручнее проверить. Находясь в трансе, чувствовать и управлять своим телом у меня не выходило, что вызывало закономерные трудности в убийстве жертвы с последующим воплощением идеи.

— Хм, — не придя к конкретным выводам, забросил в рот очередной кусочек сыра и, сделав глоток из кружки, перевел взгляд на её бывшего хозяина. Владелец пиратской повязки всё так же лежал на земле. Его единственный глаз безразлично взирал на свою убийцу и нынешнюю хозяйку. — Чего лежим? Кого ждём? — я сделал глоток из кружки и посмотрел на ожидаемо не ответившего неразумного немертвого. — Работать, негры, солнце ещё выс... гм, всё равно работать!

Мертвяк без вопросов и протестов поднялся на ноги, оттащил трупы в сторону, изъясил ненужные им более ценности и отправился перетряхивать своё бывшее логово. Я же лениво наблюдал за процессом и цедил пенное с сыром. Яцуфуса пребывала в ножнах и тот факт, что это совсем не сказывалось на трудоспособности марионетки, поднимал настроение ничуть не хуже перекуса. Теперь, обладая более плотной связью с тейгу, мне не требовалось держать меч в руках, чтобы передавать и получать энергию.

Хоть какая-то хорошая новость. В итоге меланхолия меня практически покинула.

Я дотронулся до точки чуть выше центра груди, где ощущал слабый нематериальный холодок. Сделав новый глоток, задумчиво посмотрел на выглянувшую из-за облака луну. Если мне не изменяла память, именно в этом месте у генерала Эсдес появился некий сигил, когда она выпила свой тэйгу-кровь. Да и у незадачливого революционера Тацуми, когда он под влиянием своего артефакта начал мутировать в монстра, проявлялось что-то подобное. Какой-то важный энергоузел?

С трупов своих поделщиков мой временный слуга ничего интересного не снял. Зато миниатюрный хромированный пистолет, который одноглазый выудил из своего рукава, многократно перекрыл по стоимости всю остальную добычу, вместе взятую. Я совсем уже было решил, что дамский пистолет и есть самый ценный трофей, вынесенный из случайного приключения, но когда заглянул в кожаный мешочек, который «пират» положил рядом с притащенной из логова дешёвой бижутерией вроде серебряных серёжек, цепочек или колец, понял, что ошибался.

Разглядывая комплект из золотого ожерелья с изумрудами, таких же серёжек и небольших наручных часиков, также инкрустированных мелкими зелёными камнями, я пришёл к выводу, что банда умудрилась ограбить жену или дочь состоятельного торговца или аристократа.

Не все мнящие себя авантюристками дурынды так везучи, как Эрис. Окончить свой путь в канализационном колодце в виде многократно изнасилованного тела с выколотыми глазами — вот типичный финал поиска приключений.

Я недоволюсь осмотрел добычу. Украшения хоть и были, вероятно, дороже миниатюрного пистолета, по степени бесполезности его даже превосходили. Хотя... запас карман не тянет, особенно если он пространственный. Если что, блестяшки можно подарить Акире, ей вроде нравилось подобное. Можно взять часы себе, но носить их на руке означало сломать в первом сражении. Да и не нравился мне их стиль, вместо изумрудов я бы предпочёл рубины — в память о глазах старшей сестрицы. А вообще лучше раздобыть карманный хронометр, как у Натала.

Призвав самую сильную и внушительную из своих марионеток, я вручил почти трёхметровому гиганту трофейную сумку со скупой добычей. Дешёвенькая медная и серебряная бижутерия вместе с остальным хламом остались лежать на своих местах. Будет подарком первому нашедшему.

Через десяток минут я с комфортом ехал в гостиницу. Транспорт, выполняющим заодно роль пугала и носильщика, выступал призванный гигант. Почему я решил возвращаться таким экстравагантным способом? А почему нет? Перемещаясь на двуногом Буцефале, я точно не вляпаюсь в грязь или бандитов. Настроение наблюдать за уличной жизнью или куда-то вступить напрочь испарилось, а раз так — можно и покататься. За пару кварталов до гостиницы отзову «коня» вместе с добычей и без лишнего внимания вернусь.

Три метра роста, рожа злобного неандертальца, широченные плечи, прикрытые лишь кожаной

жилеткой и длинные, почти до колен руки толще меня самого успешно заставляли всех встречных оборванцев держаться от марионетки (и меня) подальше — что, собственно, и требовалось. И это я ещё заштопал многочисленные ранения, которые регенерировали в пространственном кармане, иначе люди бы нас двоих не просто сторонились, а разбегались по углам с воплями ужаса.

«Это, блин, не улыбка судьбы, а какая-то насмешка», — подумал я перед порогом одноимённого заведения. Очень хотелось верить, что в этом мире не существовало собственных мойр, потому как чувство юмора у них, вероятно, ещё черней моего.

Примечание к части

Powerwolf - Sanctified With Dynamite <https://www.youtube.com/watch?v=3xCicQhQvNY> Клип содержит подстрочный перевод и неплохо отражает настроение гг.

Шура - Твори добро <https://zaycev.net/pages/7610/761044.shtml?spa=true&trackId=761044>

<http://tl.rulate.ru/book/57083/4789025>